

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВРЕМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

М. А. Ильин

В сентябре текущего года советская общественность широко отметила 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси Андрея Рублева. Выставки в Третьяковской галерее, Московском Кремле, Историческом музее, а также экспозиция в Музее имени Рублева и специальная научная сессия в Академии художеств СССР позволили еще глубже оценить творчество прославленного мастера. Прогрессивные круги за рубежом также отметили эту знаменательную дату, зафиксированную в постановлении Всемирного Совета Мира.

Андрей Рублев жил в эпоху, когда закладывались основы общерусской художественной культуры. Летописи и другие источники неоднократно упоминают имя Рублева, а также его друга и сотоварища по искусству Даниила Черного, называя их «живописцы мужие изрядны вельми всех превосходящи, в добродетели совершени»¹. Произведения А. Рублева высоко ценились в XV—XVI веках, их собирал известный деятель начала XVI в. игумен Иосиф Волоцкий², их жертвовали в монастыри «на помин души» как величайшие ценности³. Стоглавый собор в Москве в 1551 г. предписал писать иконы «с древних переводов, како греческие иконописцы писали и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы»⁴.

Но глубокое изучение творчества великого живописца Древней Руси началось лишь в советское время. В 1918—1919 гг. была закончена реставрация знаменитой иконы «Троица», написанной художником для собора Троице-Сергиева монастыря. Тогда же Г. О. Чириков под дровами в сарае Успенского собора «на городке» в Звенигороде обнаружил три иконы, известные ныне под названием «Звенигородского чина»⁵. И. Э. Грабарь и руководимые им художники-реставраторы в 1922 г. обнаружили в селе Васильевском часть икон, написанных Андреем Рублевым и Даниилом Черным в 1408 г. для владимирского Успенского собора. Последовавшая их расчистка, как и расчистка фресок владимирского собора, вместе с реставрацией во время Великой Отечественной войны икон Троицкого иконостаса в Загорске приподняли завесу над неизвестными до этого художественными творениями.

Изучение найденных произведений Андрея Рублева, привлекающих всеобщее внимание своими живописными свойствами, позволило установить, что, несмотря на церковно-религиозное содержание, в них отразились вера в светлое будущее родины, подъем национального самосознания, внимание к человеческой личности, что было обусловлено самоотверженной борьбой за освобождение Руси от татаро-монгольского

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VI, стр. 136—138.

² Н. Казакова. Сведения об иконах Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI веке. «Труды» Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XV, М.-Л. 1958, стр. 310.

³ Там же, стр. 310—311.

⁴ «Стоглав». СПб. 1863, стр. 128.

⁵ И. Грабарь. Андрей Рублев. «Вопросы реставрации». Т. I. М. 1926, стр. 95.

ига, за единство русской земли. Сквозь богословскую средневековую символику рублевской «Троицы» пробивается несравненно более сильная и глубокая идея человеческой любви и дружбы, к которой так стремились русские люди в дни тяжелых испытаний того времени. В. Н. Лазарев справедливо отмечает, что, поскольку эта мечта была необычайно чистой, благородной и высокочеловечной, она приобрела в руках гениального художника исключительно глубокое и широкое выражение⁶. Н. А. Демина видит в звенигородском «Спасе» А. Рублева образ человека сильного и деятельного, имеющего достаточно душевных сил и энергии, чтобы отдать себя делу поддержки всех нуждающихся в его помощи. Индивидуальная героика былого времени, отчетливо проявлявшая себя в искусстве эпохи феодальной раздробленности, уступила место героике самопожертвования, стойкости и целеустремленности — столь необходимых качеств и свойств в эпоху напряженной борьбы за национальную самостоятельность и государственное единство⁷.

Известно, что Андрей Рублев неоднократно выполнял заказы звенигородского князя Юрия Дмитриевича, покрывал фресками возведенные на его средства храмы, писал для них иконы. Время создания звенигородских храмов не отмечено летописями. По-видимому, этот факт можно объяснить тем, что постройка их была связана с именем крамольного, с точки зрения московской великокняжеской власти, князя Юрия⁸. Однако желание точнее определить годы сооружения названных памятников давно волновало исследователей. Установление хотя бы приблизительных дат их постройки давало возможность яснее представить себе как общую эволюцию московской архитектуры начала XV в., так и обусловленность отдельных ее форм. Несмотря на известное внимание, проявленное к фактам, дающим основания так или иначе датировать храмы Звенигорода и Троице-Сергиева монастыря, многое в этом вопросе осталось еще неясным или было неправильно истолковано. Поэтому представляется необходимым еще раз рассмотреть имеющиеся известия и точнее обосновать время постройки названных храмов.

В литературе установилось мнение, что звенигородский собор был построен в 1399—1400 гг., после удачного похода на Волгу князя Юрия Дмитриевича, откуда он возвратился «с великою победою и с многою корыстью»⁹. Считают, что на добытую «корысть» он и выстроил храм в связи со своей женитьбой в 1400 году¹⁰. Никаких других данных в пользу названной датировки храма не приводилось. Рассмотрим ее обоснованность.

Поход на Волгу, в котором участвовал князь Юрий Звенигородский, имел место в 1395 году. Его организатором был московский великий князь Василий Дмитриевич. Именно он «собра рати многи посла брата своего Юрья Дмитриевича, а с ним воевод и старейших бояр и силу многу»¹¹. Естественно, что «многая корысть» досталась Москве, а не Звенигороду, и, следовательно, независимо от датировки похода на Волгу, не она явилась основой для строительной деятельности кня-

⁶ В. Лазарев. Андрей Рублев. М. 1960, стр. 16.

⁷ Н. Демина. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей у Андрея Рублева и художников его круга. ТОДРЛ. Т. XII, стр. 319.

⁸ Б. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 12. М.-Л. 1949, стр. 127.

⁹ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 226.

¹⁰ Б. Огнев. Успенский собор в Звенигороде на городке. МИА, № 44. М. 1955, стр. 21, прим. 1. Автор, последний по времени, повторяет обычные в литературе высказывания по этому вопросу.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 226. По другим источникам, поход имел место в 1399 г. ПСРЛ. Т. XXIV, стр. 167.

зя Юрия. Помимо этого, нет никаких оснований считать, что именно после удачного похода в связи с женитьбой князь Юрий начинает обстраивать свой подмосковный город. Летопись прямо указывает, что князь Юрий женился «на Москве»¹², где он, надо думать, жил в это время постоянно, как и большинство подобных князей, близких к великому князю. Об этом свидетельствует не только венчание князя Юрия в Москве, но и другие аналогичные факты. Так, серпуховский князь Владимир Андреевич тоже проживал в Московском Кремле. После ссоры с великим князем он уезжает «с сыном своим Иваном и с бояры старейшими в свой град Серпохов»¹³. В Москве у него был не простой двор с обычными постройками, а каменный терем, расписанный внутри в своей парадной части Феофаном Греком¹⁴. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что и князь Юрий Дмитриевич имел такие же здания в Москве. Помимо этого, следует помнить, что основным его делом был не столько небольшой подмосковный Звенигород, сколько Галич, поддерживавший его во время последующей борьбы за великокняжеский престол.

Почему же исследователи использовали столь шаткие доводы для датировки звенигородского собора? Ответом, по-видимому, может служить лишь последующая деятельность князя Юрия. Ведь он противопоставил себя великому князю, он поднял знамя междоусобной брани, он так или иначе нарушил собиранье земли Русской, проводившееся так упорно и последовательно Москвой. Поэтому-то все его строительство, начатое, как думают исследователи, при первой же возможности, рассматривалось как своего рода фронда строительству московского князя. Такая возможность появилась, по мнению тех же исследователей, именно в то время, когда звенигородский князь мог предположительно обладать средствами, когда он не вел войны против московского князя и был в состоянии строить храмы для украшения своего удела.

Распространенную в литературе точку зрения, при всей ее малой убедительности, можно было бы принять, если бы заказчик принадлежал к кругу средних удельных князей, которые так или иначе возводили в своих уделах храмы и другие постройки. Здесь можно напомнить, например, завершение в 1380 г. Троицкого собора в Серпухове (предположительно, деревянного) князем Владимиром Андреевичем, соратником Дмитрия Донского. В серпуховских монастырях он также вел интенсивное строительство храмов и оборонительных укреплений.

Патрональные храмы удельных центров, как правило, посвящались по традиции наиболее чтимым местным праздникам. В более ранней практике имелись случаи, когда главный храм удельного города посвящался святому, имя которого носил князь-строитель. Но ведь звенигородский князь Юрий не принадлежал к обычной среде удельных князей того времени. Он был одним из важнейших деятелей Московского великого княжества. На рубеже XIV—XV вв., в годы предполагаемого строительства звенигородских храмов, он являлся наследником великого князя, несмотря на наличие у последнего мужского потомства. Подобное положение Юрия Дмитриевича было закреплено духовной грамотой его отца, где говорилось: «А по грехом отимет бог сына моего, князя Василия, а хто будет под тем сын мой ино тому сыну моему княж Васильев удел»¹⁵. Именно по своему положению Юрий должен был жить в Москве, где и состоялась его свадьба. Благодаря занимаемому им положению он был послан на Волгу во главе московской рати, как позд-

¹² ПСРЛ. Т. XXIV, стр. 167.

¹³ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 218.

¹⁴ В. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. «Византийский временник». Т. VII, стр. 245, 249.

¹⁵ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (ДДГ). М.-Л. 1950, стр. 35.

нее великий князь Василий Темный посылал своего сына Ивана в такого же рода военные походы. Поэтому вести какое-либо строительство в Звенигороде ему не было смысла. Скорее всего можно было бы ожидать подобного в основном его уделе — Галиче. Однако известно, что в эти годы, как и позднее, там не было построено ничего, равного звенигородским зданиям. Следовательно, есть все основания сомневаться в существующей датировке звенигородского собора 1399—1400 годами.

Когда же появилась необходимость построить храмы в Звенигороде и в Троице-Сергиевом монастыре? По-видимому, тогда, когда существенно изменилось положение князя Юрия. К сожалению, летописи почти ничего не сообщают о его деятельности вплоть до начала вызванной им в 1425 г. феодальной войны. Как уже говорилось, это молчание источников, видимо, объясняется позднейшей их редакцией, когда имя звенигородского князя не только будило самые неприятные воспоминания, но и стало одиозным. Все так или иначе связанное с деятельностью звенигородского князя, видимо, специально изымалось из летописей. Однако сохранились все же некоторые документы, позволяющие в известной мере по-новому ответить на поставленный вопрос.

Общее положение Юрия Дмитриевича, как наследника великокняжеского престола, оставалось до середины 10-х годов XV в., видимо, неизменным, несмотря на то, что у великого князя имелись сыновья. Так, в 1395 г. у него родился сын Юрий, умерший пять лет спустя, другой сын также скончался, будучи совсем молодым, в 1417 году. В 1415 г. у Василия Дмитриевича родился еще один сын, названный Василием (будущий великий князь Василий Темный). В летописях рождение этого сына выделено подробным рассказом, внесенным, как явствует из текста, позднее, с целью подчеркнуть его последующую роль и деятельность как великого князя Московского. В начале 1417 г., надо думать, еще весной, взаимоотношения князя Юрия со своим братом оставались более или менее нормальными, так как его бояре Глеб Семенович, Семен Жадовский и Михаил Россохин совместно с устюжанами и вятичами «ходиша войною» в Двинскую землю и Заволочье¹⁶. В июле того же года в Москве умер князь Иван, сын великого князя Василия Дмитриевича, являвшийся нижегородским князем. По-видимому, эта смерть вызвала какое-то выступление князя Юрия, так как великий князь тут же составил новую духовную грамоту, где старая система наследования «по отчеству» была изменена. В грамоте говорилось: «А сына своего князя Василия благословляю своею вотчиною великим княжением, чем мя благословил мой отец»¹⁷, то есть великое княжение в случае смерти великого князя должно было перейти к его малолетнему сыну. Конечно, лишение прав наследования было ударом для князя Юрия. Он не мог смириться с происшедшим. Перед ним стала отчетливо вырисовываться неотвратимость борьбы за великокняжеский престол после смерти старшего брата. Вместе с тем Юрий понимал, что захватить московский престол будет нелегко. Ясно, что к предстоящей борьбе необходимо было подготовиться, заручиться сторонниками. Надо было привлечь к себе внимание, заставить поверить различных людей в свои способности рачительного, умелого хозяина, военачальника и правителя, способного возглавить разросшееся и укреплявшееся Московское великое княжество. Последнее было особенно важно. Ведь Москва стала знаменем собирания земли Русской, центром, где ковалось оружие против исконного врага — татаро-монголов, которые уже понесли поражение от московского князя в битве на Куликовом поле. Это знаменательное событие убедительным образом свидетельствовало о силе объединявшегося народа.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 243.

¹⁷ ДДГ, стр. 58.

Одной из форм умелой организационной деятельности являлось широкое строительство ценимых народом каменных храмов и оборонительных укреплений. Надо думать, что Юрий Звенигородский начал строительство каменных храмов именно после 1417 г. и вел его вплоть до 1425 г., когда он покинул Звенигород, к которому в силу своих притязаний на московский великокняжеский престол он потерял всякий интерес. До этого времени, как говорилось выше, обстраивать монументальными зданиями свой удел, в котором он считал себя временным князем, не было особого смысла. Теперь же, чтобы показать свои способности и возможности, Юрий решил противопоставить сооружение на его средства новых храмов отсутствию строительства таковых в Москве. Именно поэтому он возводит храмы под Москвою, а не в Галиче — своем уделе, так как именно в Москве и ее округе следовало заручиться поддержкой и союзниками.

В своей звенигородской резиденции — «на городке» — он строит белокаменный храм и посвящает его Успению богородицы, то есть именно тому празднику, в честь которого был сооружен главный московский собор. В этом посвящении звенигородского храма недвусмысленно сказывались притязания князя Юрия. Социальный и, добавим, политический характер задуманного звенигородским князем сооружения был хорошо обрисован Н. И. Бруновым¹⁸. Вместе с тем украшение Звенигорода храмом свидетельствовало о возможной будущей деятельности князя Юрия на великокняжеском престоле. Ведь его заботами Москва могла быть украшена не менее привлекательными сооружениями. Чтобы усилить значение воздвигнутого им собора, Юрий приглашает для его росписи и создания иконостаса виднейшего художника своего времени Андрея Рублева и его товарищей. Восточные столбы храма до сих пор хранят остатки росписи рублевского круга. Известный «Звенигородский чин» также может быть отнесен к этому времени¹⁹, так как сопоставление друг с другом и анализ произведений А. Рублева позволяют утверждать, что «чин» был написан им после создания росписей и икон для иконостаса владимирского Успенского собора, то есть после 1408 г., и до работ художника в Троице-Сергиевом монастыре. «Звенигородский чин» по мастерству исполнения, по своим высоким художественным качествам примакает к знаменитой «Троице», которую В. Н. Лазарев относит к началу десятилетия XV века. Если взять изображение одних лишь ангелов, то станет очевидным, что икона архангела Михаила из Звенигорода, как и остальные иконы «чина», не могла быть исполнена до фресок на северной стене владимирского собора, датированных 1408 годом. Следовательно, предлагаемой новой дате постройки собора «на городке» не противоречат и факты художественного плана. Приведенные соображения исторического и художественного порядка заставляют предложить более позднюю дату для звенигородского собора «на городке». Он, скорее всего, построен в период между 1417 и 1422 гг., как это будет показано ниже.

Со времени выхода в свет статьи Н. И. Брунова²⁰ собор Саввино-Сторожевского монастыря стал датироваться 1405 годом. К сожалению, эта датировка зиждется на весьма непрочном основании. А. С. Ува-

¹⁸ Н. Брунов. О хорах в древнерусском зодчестве. «Труды» секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания РАНИОН. Вып. II. М. 1928, стр. 93 и сл.

¹⁹ Вопрос о принадлежности его собору Саввино-Сторожевского монастыря (мнение В. Г. Брюсовой) я оставляю открытым.

²⁰ Н. Брунов. Собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода. «Труды» Этнографо-Археологического музея МГУ. М. 1926, стр. 16—23.

ров, ссылаясь на мнение братьев Холмогоровых²¹, предположил, что монастырский собор мог быть возведен примерно в это время, поскольку сохранилась дарственная грамота монастырю Юрия Звенигородского от 1404 г., в которой говорится: «Аз дал Пречистой в дом на сторожи отцу своему игумену Савве села свои»²². Догадка А. С. Уварова была поддержана Н. И. Бруновым, хотя в дарственной грамоте ни слова не сказано о постройке каменного храма. Н. И. Брунов привел дополнительные данные, по его мнению, подкреплявшие предположение А. С. Уварова. Н. И. Брунов, во-первых, сослался на известия, что монастырский храм появился еще при жизни игумена Саввы, умершего в 1407 году. Во-вторых, он указал, что в ризнице Троице-Сергиева монастыря сохранилось кадило 1405 г., верхняя часть которого воспроизводит венчающую часть каменного храма своего времени, в частности, по его мнению, монастырского собора в Звенигороде (?). Аналогичное кадило имелось и в Саввинском монастыре (нижняя часть была заменена новой в 1632 г.). Исходя из такого совпадения, Н. И. Брунов сделал вывод, что кадило Саввинского монастыря, неизвестно когда выполненное, послужило образцом для кадила Троице-Сергиева монастыря. Игумен последнего Никон якобы заказал себе такое же кадило, поскольку он тоже собирался выстроить у себя в монастыре каменный собор. «Отсюда вероятно,— заключает автор,— что Саввинский собор выстроен в 1404—5 гг.»²³.

Разберемся в обоснованности всех этих доказательств. Историки относят основание звенигородского монастыря примерно к 1398—1399 гг., то есть опять-таки ко времени известного удачного похода на Болгары князя Юрия. В 1404 г. монастырь уже существовал, о чем свидетельствует упомянутая выше грамота. Из нее явствует, что храм в нем также имелся, вернее всего деревянный, что было обычным для каждого новооснованного монастыря²⁴. Даже в случае если сразу задумывалось каменное здание монастырского собора, сперва строилась деревянная церковь. Игумен Савва, как известно, был канонизирован лишь в 1547 г., а его жития составлены как по поручению митрополита Макария (1549 г.), так и бывший игуменом Хутынского монастыря Маркелом Безбородым (1550 г.)²⁵. Обращает на себя внимание типичное для XVI в. изложение истории основания монастыря и постройки в нем храма. «Посем некий христоробивый князь прииде к блаженному отцу Савве и умоля его, да воздвигнет храм на месте том (злато довольно святому на создание дав) и абие святыи пршение княже исполняя, воздвиг же храм Пречистыя Богоматери честного и славного ее Рождества и обитель состави пречудну зело и велику...»²⁶. Из приведенного отрывка видно, что здесь идет речь о постройке храма вообще, а не каменного. «Христоробивый князь» Юрий даже не назван. Видимо, еще в XVI в., в свете событий конца 40-х годов этого столетия, упоминание его имени могло вызвать нежелательные ассоциации.

Аргументация Н. И. Брунова о последовательности изготовления упомянутых выше кадил не выдерживает критики, поскольку нет никакого основания считать, что монастырский каменный собор Звенигорода

²¹ В. и Т. Холмогоровы. Город Звенигород. М. 1884, стр. 6.

²² А. Уваров. Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Древности. «Труды» Комиссии по сохранению памятников Московского археологического общества. Т. III. М. 1909, стр. VII.

²³ Н. Брунов. Собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода, стр. 19—20.

²⁴ О первоначальной постройке деревянной церкви игуменом Саввой говорил 16 сентября с. г. академик М. Н. Тихомиров в своем докладе на сессии в Академии художеств СССР, посвященной творчеству Андрея Рублева.

²⁵ Е. Голубилский. История канонизации святых в русской церкви. М. 1903, стр. 100—101, 131—133, 186; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, стр. 248—264.

²⁶ «Минеи четыи Дмитрия Ростовского». М. 1897, стр. 64—65.

построен в 1404—1405 годах. Помимо этого, ни один источник не сообщает о факте заказа кадила игуменом Никоном по образцу саввинского. По-видимому, известная натяжка с датировкой памятника произошла также потому, что собор «на городке» относился к 1399 году. Таким образом, получалась искусственная, но довольно стройная картина. Князь Юрий осуществляет удачный поход в 1399 г. и, реализуя полученную «корысть», строит в своей резиденции «на городке» в 1399—1400 гг. каменный собор, а затем к 1405 г. каменный же храм в основном им монастыре, поскольку он «злато довольно... на создание дав». Как мы знаем, было дано не злато, а села, эксплуатация которых должна была служить хозяйственному процветанию монастыря, храм же (деревянный) уже в нем имелся.

К какому же времени следует отнести белокаменный монастырский собор? Логически рассуждая, следует согласиться, что сперва был построен собор «на городке», а затем в монастыре. Выше были приведены соображения, позволившие отнести дату собора «на городке» ко времени между 1417—1422 годами. Поскольку постройка подобного рода храмов занимала два-три года, а Юрий Звенигородский вряд ли вел строительство обоих зданий одновременно, собор Саввино-Сторожевского монастыря следует отнести к двадцатым годам XV века. Близость его архитектурных форм к формам собора Троице-Сергиева монастыря и действительное пожертвование «злата» на постройку последнего тем же Юрием Звенигородским заставляют думать, что обе постройки осуществлялись одной артелью строителей. Дата Троицкого собора, как известно, локализуется 1422—1423 гг., следовательно, собор Саввино-Сторожевского монастыря выстроен либо в 1420—1422 гг.²⁷, либо после окончания Троицкого собора, в 1423—1425 годах. Обе предполагаемые даты могут быть обоснованы. В первом случае, построив собор «на городке», князь Юрий тут же переводит зодчих в монастырь, где они и сооружают каменный храм. Тем самым он стремится усилить впечатление о своей состоятельности, заботливости, способности быстро и хорошо вести крупное для того времени строительство. Оно характеризует его умелым хозяином своего дела. Иными словами, и здесь легко прослеживается политическая подоплека его действий — подготовка почвы для борьбы за великокняжеский престол. Во втором случае мы имеем еще более тонкий «ход». Звенигородский князь жертвует средства на постройку храма во владениях московского князя, в монастыре, который должен был бы привлечь внимание последнего, но, видимо, по неизвестным нам причинам не привлек. Осуществив постройку собора над гробом своего крестного отца, на что он имел моральное право, князь Юрий перевел затем строителей к себе в Звенигород, где они и возвели собор в монастыре «на сторожах». И в этом случае в глазах современников звенигородский князь должен был выглядеть еще более положительным политическим деятелем, заботящимся о прославлении общерусского новоявленного святого, не жалеющим средств на постройку храма в чужих владениях, а не только рачительным, но ограниченным своим уделом князем. Как увидим ниже, время с 1423 по 1425 г. является наиболее вероятным для постройки собора Саввино-Сторожевского монастыря.

Дата постройки каменного собора Троице-Сергиева монастыря — 1422—1423 гг. — не вызывает в настоящее время сомнений²⁸. Храм

²⁷ Принимая 1417—1420 гг. как время постройки собора в Звенигороде «на городке».

²⁸ Ее называли еще в дореволюционные годы. См., например, «Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода». М. 1904, стр. 12; Ю. Олсуфьев. Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1927, стр. 43;

был воздвигнут в связи с канонизацией основателя монастыря Сергия Радонежского, состоявшейся 5 июля 1422 года. Отделка собора вместе с иконостасом и росписью была завершена при жизни игумена Никона, умершего в 1429 году.

Ранние редакции жития Сергия сообщают, что князь звенигородский Юрий Дмитриевич, «хвалим достойно и просвещения сподобленный» от Сергия, дал Троице-Сергиеву монастырю значительные средства «к строению»²⁹. Позднее имя князя исчезает, а строительство храма приписывается одному лишь Никону. О какой-либо помощи со стороны московских властей также не упоминается. Все эти обстоятельства имеют определенное значение для предлагаемой новой датировки звенигородских храмов. Ведь канонизация Сергия была одним из важных государственных актов, призванным подчеркнуть роль Москвы в объединении Руси. Казалось, что московский великий князь Василий Дмитриевич, ревностно проводивший политику своего отца Дмитрия Донского, должен был принять участие в сооружении собора над гробом столь ценимого всеми подвижника и политического деятеля. Однако средства на постройку собора поступили от лица, оказавшегося три года спустя во главе феодальной оппозиции. Создается впечатление, что этот шаг был сделан князем Юрием не столько в память Сергия, сколько с целью досадить Москве и показать себя в роли истинного наследника великокняжеского престола, заботящегося об общерусском, московском деле. Приведенные выше хвалительные эпитеты, адресованные Юрию Звенигородскому как казачику, финансировавшему постройку, так или иначе говорят о его честолюбии. Тем самым косвенно подтверждается активность звенигородского князя, начавшаяся именно после официального лишения его прав наследования великокняжеского престола. Уже ко времени составления жития вокруг Юрия Звенигородского группировались лица, в том числе и духовенство, высоко оценивавшие его деятельность и способности. Следует вспомнить, что позднее часть монахов Троице-Сергиева монастыря оказалась среди противников Василия Темного, приняв участие в его ослеплении³⁰.

Однако в истории постройки Троицкого собора имеется неясное место. Дело в том, что кадило, выполненное в 1405 г. по заказу Никона, имеет верхнюю часть в виде первоначального завершения собора. Совершенно невозможно считать, что верх кадила просто изображает распостраненный тип раннемосковского храма. Такого рода случаев древнерусское искусство не знает, тем более выраженного столь конкретно. Кадило, нет сомнения, было сделано с определенной целью и в связи с не менее определенными обстоятельствами. Поэтому можно предположить, что закладка собора произошла около 1405 г., в связи с чем было подготовлено кадило³¹. Затем по неизвестным пока причинам дальнейшее строительство либо задержалось, либо выстроенное или почти законченное здание погибло. Так, в 1407 г. строители могли перевести

В. Балдин. Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. «Архитектурное наследство», 1956, № 6, стр. 22, прим. 7. В 1446 г. этот храм упоминается уже как каменный. ПСРЛ. Т. XXV, стр. 265.

²⁹ В. Балдин. Указ. соч., стр. 22.

³⁰ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской релакции. М. 1869, стр. 82.

³¹ Возможно также, что верх кадила был выполнен заново после окончания собора в 1422 году. Это предположение может основываться на следующем: гладкие участки металла в верхней и нижней части кадила обработаны различным способом. Декоративные обрамления верхней части и деталей кадила в виде своего рода «веревочки» по сравнению с декоративными членениями нижней части хотя и обнаруживают тождество рисунка, но разнятся своим рельефом. Вверху «веревочка» плоская, внизу же хорошо прочеканены все ее извивы. Если высказанные предположения подтверждаются, то следует считать, что первоначально кадило имело иное завершение и было сделано для деревянной церкви, существовавшей до постройки каменного собора.

на постройку Вознесенского монастыря в Московском Кремле. В 1408 г. последовало нашествие Едигея. Москва была сожжена. Пострадал и Троице-Сергиев монастырь. Возможно, что именно в это время было уничтожено то, что было построено в 1405—1406 годах. Потребовались долгие годы, чтобы восстановить хозяйство, наладить строительную деятельность. Принимая во внимание сложившуюся после 1417 г. политическую обстановку и предполагаемый характер действий Юрия Звенигородского в области постройки храмов, можно думать, что около этого времени он жертвует средства либо на возобновление прерванного строительства, либо на строительство совершенно нового собора. Последний был закончен, как мы знаем, в 1422—1423 годах. В подобной затяжке постройки монастырского храма нет ничего необыкновенного. Можно напомнить, что примерно в эти же годы имели место подобные факты. Так, в 1405 г. в московском Симоновом монастыре был освящен каменный собор, заложенный за 26 лет до того³².

Высказанное предположение о постройке собора Троице-Сергиева монастыря получает известное подтверждение в тексте пространного жития Сергия. Его автор Пахомий Серб прибыл в Россию до 1438 года³³. Свою работу над житием Сергия он начал не ранее 1440 г., когда из Новгорода переселился в Троице-Сергиев монастырь³⁴. Сопоставление пространной (первой) редакции жития Сергия с краткой (второй), а также привлечение фактов исторического порядка позволило В. П. Зубову сузить установленные В. О. Ключевским годы написания жития (с 1438—1443 до 1442—1443 гг.)³⁵. Следует напомнить, что в 1442 г. Дмитрий Шемяка примирился с великим князем Василием Васильевичем у гроба Сергия, а в 1446 г. там же последний был ослеплен во время вспыхнувшей с новой силой междоусобной феодальной войны. Таким образом, первая редакция жития Сергия, по мнению исследователей, была составлена Пахомием в промежуток времени в один год. Можно ли предполагать, что Пахомий, воспользовавшись новой политической ситуацией, ввел в свой труд хвалебные слова, оттенявшие роль князя Юрия в строительстве собора? Подобное маловероятно, тем более, что он изъял из жития Сергия все антимосковские эпизоды³⁶. Однако как же объяснить «хвалу» князю Юрию и подробности изложения истории церковного собора, на котором был канонизирован новый московский святой?

В. П. Зубов попытался более точно определить манеру языка Епифания и Пахомия. Более того, он убедительно показал, каким путем должен идти исследователь, извлекая из жития, написанного Пахомием, куски текста Епифания³⁷. Пользуясь этим приемом, можно считать, что эпизод, излагающий действия собора 1422 г., принадлежит Епифанию. Последнее не противоречит принятой в науке дате его смерти (между 1418 и 1422 годами). Внимательное чтение текста жития убеждает, что никакого особого возвеличения князя Юрия в нем нет. Подробно (чего не мог сделать Пахомий) описывается собор, на котором был канонизирован Сергий. «Стекошася державнии князи и священни собора; иже великодержавный бе и хвалим достойно и просвещенный сподобленный от святого, христоролюбивое чадо его, князь Георгий»³⁸, то есть на собор прибыли удельные («державнии») князья и высшее ду-

³² ПСРЛ. Т. XXIV, стр. 170.

³³ Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М. 1892 (1916), отд. 2, стр. 189.

³⁴ «История русской литературы». Т. II. Ч. I М.-Л. 1946, стр. 239.

³⁵ В. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. ТОДРЛ. Т. IX. М.-Л. 1953, стр. 155; В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 116—118.

³⁶ «История русской литературы». Т. II. Ч. I, стр. 239.

³⁷ В. Зубов. Указ. соч., стр. 151 и сл.

³⁸ Там же, стр. 156.

ховенство. Здесь был великий князь Василий Дмитриевич («великодержавный»), надо думать, весьма недовольный деятельностью брата, столь ловко использовавшего свое положение крестника Сергия, и князь Юрий, из средства которого велось строительство храма. Последнее отмечено известной «хвалой», поскольку в это время, то есть в 1422 г., не было оснований не помянуть князя Юрия. По-видимому, в 1442—1443 гг., когда Пахомий создавал свою первую редакцию, место, где был упомянут звенигородский князь, было изложено следующим образом: «в них же бе и хвалим достойно князь Георгий»³⁹. Пахомий опустил упоминание «великодержавного», то есть князя Василия Дмитриевича, к тому же не названного в первой редакции жития по имени. Видимо, поэтому исследователи стали относить этот эпитет к князю Юрию, что не могло соответствовать истине, поскольку князь Юрий был великим князем лишь в 1432—1434 годах. Сокращения Пахомия объясняются в данном случае не столько политическими соображениями (князь Юрий назван по имени, и его деятельность отмечена), сколько обычным для него стремлением (в данном случае неудачным) сократить длинное житие Сергия, чтобы сделать его пригодным для церковной службы⁴⁰. Поскольку звенигородский князь «помыслиша воздвигнути церковь каменну»⁴¹, дав на это средства, дату закладки собора следует отодвинуть на несколько лет раньше, а 1422 г. считать годом его завершения вчерне. По-видимому, окончание собора специально приурочивали ко времени канонизации основателя монастыря.

Изложенное позволяет наметить следующую хронологию «звенигородских» памятников. Вскоре после 1417 г. осуществляется постройка собора Успения «на городке» в Звенигороде. Затем начинается строительство монастырского Троицкого собора, которое заканчивается в 1422 году. После этого, между 1423 и 1425 гг., возводится собор Саввино-Сторожевского монастыря, в связи с чем делается кадило, напоминающее кадило Никона. Все три памятника являются не столько благочестивым деянием князя Юрия⁴², сколько проявлением его умелой политической деятельности на пути к захвату московского великокняжеского престола. Предлагаемая датировка соборов, в особенности храмов Звенигорода, уточняет время создания известных звенигородских икон Андрея Рублева и связанных с его именем фрагментов росписей, высокие художественные свойства которых столь близки к прославленной «Троице».

³⁹ Там же.

⁴⁰ «История русской литературы» Т. II. Ч. 1, стр. 239.

⁴¹ В. Балдин. Указ. соч., стр. 22, прим. 7.

⁴² Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 127.